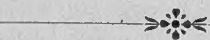
Л. Сѣдовъ.

ЭСПИНАСЪ и ТАРДЪ

ОБЪ ОБЩЕСТВѢ.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.
1902

Оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

Эспинасъ и Тардъ объ обществѣ.

Есть много вопросовъ, на первый взглядъ, казалось бы, отвлеченно теоретическихъ, а между тѣмъ имѣющихъ большое практическое значеніе. Къ ихъ числу принадлежитъ и вопросъ о сущности общества. Что представляетъ оно изъ себя? Является ли оно цѣлымъ, при томъ реальнымъ цѣлымъ, обладающимъ самостоятельной жизнью? Или реальны только входящія въ его составъ личности, а «общество»—не больше, какъ собирательный терминъ, для обозначенія суммы существующихъ личностей? Рѣшеніе вопроса въ ту или другую сторону имѣетъ несомнѣнно большое значеніе для цѣлаго ряда практическихъ мѣропріятій, въ томъ числѣ и для постановки воспитательныхъ задачъ. Совершенно различны будутъ цѣли воспитанія въ томъ случаѣ, если мы думаемъ о воспитаніи личности, являющейся своею собственною цѣлью, и въ томъ, когда мы стремимся подготовить члена общества, не изолированную единицу, а составную часть крупнаго цѣлаго. Иными будутъ и способы воздѣйствія, иными точки приложенія силъ, смотря по тому, видимъ ли мы исходный пунктъ въ отдѣльномъ человѣкѣ или во всемъ обществѣ, признаемъ ли наиболѣе дѣйствительными вліянія, исходящія отъ отдѣльныхъ людей, или вліянія всего сообщества.

Намъ приходилось уже касаться этого вопроса въ статьѣ «Личность и общество» *Вѣстникъ Воспитанія, 1901 г.*, и читатель знаетъ, въ какомъ направленіи рѣшаемъ мы его. Но вопросъ представляетъ такой большой интересъ,

что мы позволяемъ себѣ снова вернуться къ нему по поводу двухъ любопытныхъ статей, появившихся во французскомъ журналѣ «Revue philosophique» за 1901 г. (№№ 5 и 11). Статьи эти принадлежатъ двумъ выдающимся соціологамъ, Эспинасу и Тарду, хорошо извѣстнымъ и русской читающей публикѣ. Онѣ интересны и по цѣнности заключающихся въ нихъ мыслей, и по возможности составить себѣ довольно ясное представленіе объ основныхъ взглядахъ обоихъ писателей на сущность общества. Оба они постарались возможно опредѣленнѣе сформировать свои взгляды. А это не лишнее, потому что одни изъ ихъ взглядовъ мѣнялись на протяженіи ихъ научной дѣятельности; относительно же другихъ не было случая высказаться достаточно полно и ясно, и это подавало поводъ къ недоразумѣніямъ.

Въ «Revue Philosophique» вопросъ былъ поднятъ *Эспинасомъ*, авторомъ «Соціальной жизни животныхъ». Съ его статьи[1]) мы и начнемъ.

Когда Эспинасъ задумалъ въ 1872 г. заняться изученіемъ обществъ животныхъ, съ цѣлью изслѣдованія законовъ, приложимыхъ ко всѣмъ обществамъ, его предпріятіе, думаетъ онъ теперь, должно было казаться безумнымъ. Существовало лишь имя «соціологіи», данное Контомъ, но не было заложено даже фундамента будущаго научнаго зданія. Тогда не появились еще ни «Bau und Leben des sozialen Körpers» («Строеніе и жизнь соціальнаго дѣла») Шеффле, ни «Соціологія» Спенсера. Самое изслѣдованіе соціальныхъ фактовъ привлекало къ себѣ еще мало вниманія.

Съ той поры многое измѣнилось. Появилось множество соціологическихъ трактатовъ, издаются спеціальные соціологическіе журналы, создались соціологическія общества, собираются соціологическіе конгрессы, есть особыя каѳедры соціологіи. Въ Парижѣ соціальныя науки вошли даже въ моду. У нихъ есть свой музей, свои коллежи.

---

[1]) „Être ou ne pas être“ ou du postulat de la Sociologie.

Но этотъ успѣхъ кажется Эспинасу въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно призрачнымъ. Именемъ соціологіи очень охотно пользуются какъ этикеткой для лекцій и книгъ, разсчитывающихъ на благорасположеніе публики. И въ то же время соціологіи отказываютъ въ признаніи условій, безъ которыхъ немыслимо ея развитіе. Именно, отказываютъ признать, что общества существуютъ какъ нѣчто цѣлое, что соціальное сознаніе есть нѣчто, стоящее надъ отдѣльными личностями, что соціальныя и психологическія явленія не одно и то же, что соціальныя явленія подчинены законамъ.

Плохую услугу соціологіи, думаетъ Эспинасъ, оказали теоріи органистовъ. Они пытались установить до мельчайшихъ подробностей сходство между обществомъ и индивидуальнымъ организмомъ. Они оговаривались, правда, что это только сравненіе, а не отожествленіе. Но эти оговорки лишь вредили дѣлу. А когда въ недавнее время начались отказываться отъ теоріи общества, какъ организма, то реакція противъ прежнихъ взглядовъ оказалась неизбѣжной. Не признавая общества организмомъ, стали отрицать и то, что общество представляетъ собою что-либо помимо суммы входящихъ въ него индивидовъ. Поэтому совершенно умѣстно выяснить, съ одной стороны, глубокое различіе, существующее между обществомъ и индивидуальнымъ организмомъ, а съ другой то обстоятельство, что тѣмъ не менѣе общества являются организованными и обладаютъ собственной жизнью. Въ дальнѣйшемъ, какъ увидитъ читатель, Эспинасъ и останавливается на этомъ выясненіи.

Всего больше теоретическихъ возраженій противъ самаго предмета соціологіи, т.-е. общества, какъ самостоятельнаго цѣлаго, слышится со стороны послѣдователей метафизической философіи, не могущихъ отдѣлаться отъ индивидуалистической точки зрѣнія. Хотя это не значитъ, чтобы всѣ метафизики не понимали коллективности.

Великій метафизикъ—Декартъ—писалъ, напримѣръ, въ

письмахъ къ принцессѣ Елисаветѣ: «Есть еще одна очень полезная истина. Именно, хотя каждый изъ насъ представляетъ личность, отдѣльную отъ другихъ, интересы которой въ извѣстномъ отношенiи являются отличными отъ всѣхъ остальныхъ, слѣдуетъ однако признать, что никто не могъ бы существовать отдѣльно, что, въ дѣйствительности, каждый является частью вселенной, а, еще точнѣе, частью того государства, того общества, той семьи, съ которыми онъ связанъ мѣстомъ обитанiя, присягой, рожденiемъ. Нужно всегда поэтому предпочитать интересы цѣлаго, котораго являешься частью, интересамъ собственной личности».

На индивидуалистической точкѣ зрѣнiя, враждебной соцiологiи, стоитъ, думаетъ Эспинасъ, и школа психологовъ съ Тардомъ во главѣ. «Тардъ,—пишетъ онъ,—тратитъ чудныя средства своего изобрѣтательнаго генiя на то, чтобы создать соцiальный миражъ изъ элементовъ, непреодолимо индивидуальныхъ, превратить свою соцiальную психологiю («interpsychologie») въ видимость соцiологiи. То онъ хвалится, будто разрѣзалъ пуповину, связывавшую соцiологiю съ бiологiей. То онъ самъ признаетъ, что общество является «прочной, естественной реальностью», и обѣщаетъ разсказать, какъ, подъ какимъ видомъ оно можетъ сохранить свою реальность въ его системѣ. Намъ было бы очень интересно узнать, какъ онъ разрѣшитъ то, что для насъ является противорѣчiемъ, — реальность безъ жизни... По Тарду, общество не является для индивида условiемъ физическаго существованiя. Все сводится лишь къ обмѣну вѣрованiй и стремленiй, установленiю (путемъ подражанiя) взаимнаго сходства, выработкѣ противорѣчiй и примиренiю этихъ противорѣчiй. Но жить (и, безъ сомнѣнiя, воспроизводиться?) индивидъ могъ бы и внѣ общества».

Соцiологу приходится не только отстаивать самый предметъ своего изученiя, но и точно очертить границы науки. Одной изъ застарѣлыхъ ошибокъ соцiологiи является

смѣшеніе біологическихъ, психологическихъ и соціологическихъ элементовъ. Попытаемся, говоритъ Эспинасъ, провести необходимое разграниченіе.

Критеріемъ для такого разграниченія можетъ служить степень группировки составныхъ частей въ аггрегатѣ. Самая группировка, сложеніе цѣлаго изъ отдѣльныхъ элементовъ является настолько общимъ закономъ, что Фулье и Тарду ассоціація представляется универсальнымъ фактомъ. Эспинасъ не заходитъ, впрочемъ, такъ далеко. Ему всегда казалось, что говорить объ обществѣ атомовъ или обществѣ звѣздъ это значитъ злоупотреблять терминомъ. Въ началѣ своей научной дѣятельности, когда онъ писалъ первыя главы своей «Соціальной жизни животныхъ», Эспинасъ считалъ еще возможнымъ говорить объ *обществахъ клѣтокъ* въ томъ случаѣ, если онѣ группируются въ организованное цѣлое. Аггрегаты клѣтокъ и общества животныхъ или людей представлялись ему явленіями одного порядка, именно, явленіями біо-соціологическими. Теперь этотъ взглядъ кажется ему не вытекающимъ изъ точныхъ наблюденій. Всѣ эти явленія могутъ быть подведены лишь подъ общее понятіе *группировки*, но не обществъ. Но этотъ общій признакъ—группировка—свойственъ всей вселенной. А такія слишкомъ широкія обобщенія совершенно безплодны для соціологіи. Конечно, важно констатировать, что отдѣльные организмы представляютъ собою группировки клѣтокъ. Также важно отмѣтить, съ другой стороны, что общества, слагающіяся изъ *отдѣльныхъ* организмовъ, обладаютъ тѣмъ не менѣе болѣе или менѣе ясно выраженной цѣльностью, *индивидуальностью.* Но еще важнѣе опредѣлить, съ какого именно момента мы перестаемъ имѣть дѣло съ однимъ только біологическимъ цѣлымъ и начинаемъ считаться съ серіей аггрегатовъ дѣйствительно и исключительно соціальныхъ. Степень группировки и является, какъ сказано, лучшимъ критеріемъ для опредѣленія этого момента. До тѣхъ поръ, пока мы имѣемъ предъ собой группировки однѣхъ клѣ-

токъ, это чисто біологическія группировки. Соціальные аггрегаты появляются лишь съ того момента, какъ эти біологическія группировки начинаютъ объединяться въ новыя группировки высшаго порядка. Они представляютъ собою такимъ образомъ группировки второй степени.

Что же такое біологическія группировки? Эспинасъ сожалѣетъ, что не привился терминъ, предложенный имъ въ свое время. Всѣ многоклѣтныя животныя, какъ насѣкомыя, рыбы, млекопитающія, названы были имъ *бластодемами*. Этимъ терминомъ онъ хотѣлъ, во-первыхъ, указать множественность слагающихъ ихъ элементовъ (δῆμος—народъ). Во-вторыхъ, здѣсь же содержалось указаніе на тѣсную связанность этихъ элементовъ, отсутствіе у нихъ независимыхъ движеній (βλαστός—листъ, побѣгъ). Терминъ неуклюжъ, но онъ былъ бы очень кстати при разрѣшеніи вопроса о сущности общества. Несомнѣнно, что если бы даже органистамъ предложить вопросъ: представляетъ ли общество бластодему, они въ одинъ голосъ отвѣчали бы: нѣтъ, общество не бластодема, оно слагается изъ нихъ. Совершенно ясно выступаетъ при этомъ противоположность двухъ понятій. Съ одной стороны,—общество, слагающееся изъ бластодемъ, т.-е. изъ явныхъ существъ, раздѣльныхъ, сознательныхъ, независимыхъ въ своихъ движеніяхъ. Съ другой стороны,—бластодема, слагающаяся изъ клѣтокъ или, по крайней мѣрѣ, изъ элементовъ, прикрѣпленныхъ одинъ къ другому, омываемыхъ жидкостями, доставляемыхъ ихъ сосудистой системой, или если подвижныхъ, то двигаемыхъ этими именно жидкостями. Такимъ образомъ, все животное въ цѣломъ представляетъ однородную массу опредѣленной формы, окруженную со всѣхъ сторонъ болѣе или менѣе герметически замкнутой оболочкой.

Связь, соединяющая клѣточки въ бластодемѣ, является частью связью матеріальной, частью связью общихъ отправленій: онѣ оказываютъ содѣйствіе одна другой въ питаніи или воспроизведеніи, въ общей защитѣ тѣла и т. п.

Но все это связи біологическія, т.-е. физико-химическія. Даже самые независимые элементы бластодемы (лейкоциты, сперматозоиды) не проявляютъ сколько-нибудь замѣтныхъ слѣдовъ психической дѣятельности, чтобы можно было хотя здѣсь увидѣть исключеніе изъ общаго правила. Наоборотъ, связь, объединяющая между собою бластодемы въ общество, является связью психическою. Здѣсь начинается уже серія психологическихъ явленій, и они даютъ начало развитію явленій соціологическихъ. Благодаря возникновенію новой, психической связи, происходитъ объединеніе существъ, раздѣленныхъ пространственно. А прежняя связь (біологическая) соединяла лишь соприкасающіеся элементы.

При полной возможности провести разграниченіе между сферой біологической и соціологической, между ними есть однако и пункты соприкосновенія. Можно даже указать соединительное звено между ними, какимъ является семья. Семья это—общество. Входящіе въ ея составъ многоклѣтные организмы соединены взаимною психическою связью. Но въ то же время между членами семьи есть и чисто біологическія отношенія, необходимыя для продолженія расы. Но всякое общество [1]) слагается изъ семей. Слѣдовательно, всякое общество имѣетъ органическую основу, и этотъ законъ природы не можетъ не оказывать глубокаго вліянія на всю совокупность соціальной жизни.

Но какъ бы ни былъ великъ біологическій элементъ въ обществѣ, ни одно біологическое явленіе не переходило непосредственно въ соціальное. Необходимъ посредствующій членъ, именно психологическій элементъ. Только благодаря сему и возможно осуществленіе условія, выставленнаго еще Аристотелемъ для образованія соціальной группы, именно, чтобы каждый изъ входящихъ въ ея со-

---

[1]) Мы увидимъ дальше, что Эспинасъ находитъ возможнымъ считать обществомъ только опредѣленные аггрегаты.

ставъ индивидовъ былъ отдѣльнымъ существомъ, обладающимъ независимой подвижностью. Только по мѣрѣ того, какъ эти индивиды являются *личностями*, т.-е. центрами опредѣленныхъ представленій, чувствъ и двигательныхъ импульсовъ,—они и способны соединяться, добиваться общей цѣли, раздѣлять между собой отдѣльныя задачи для достиженія ея, чувствовать себя солидарными, организоваться. Но психическій элементъ постоянно усложняется соціологическимъ, такъ какъ завершеніе развитія личности можетъ быть достигнуто только въ нѣдрахъ *группы*. Слѣдовательно, приходится имѣть дѣло не съ личной, а съ общественной, главнымъ образомъ, психологіей. Чтобы познать самое себя, данной личности нужно узнать также личностей, не принадлежащихъ къ группѣ, и противопоставить себя имъ. Нужно узнать лицъ той же группы и установить свое отношеніе къ нимъ. Нужно уяснить себѣ свойства той среды, въ которой приходится дѣйствовать для осуществленія цѣлей группы, нужно познать и всю группу, какъ цѣлое. Положеніе и роль личности въ этомъ цѣломъ и опредѣляетъ ее. Въ частности, въ человѣческомъ обществѣ каждый человѣкъ является именно тѣмъ, а не инымъ, благодаря совокупности семейныхъ, юридическихъ, экономическихъ отношеній какъ прошлыхъ, такъ и настоящихъ. И не только положеніе человѣка опредѣляется соціальными условіями. Его личное сознаніе въ значительной степени также зависитъ отъ сознанія соціальнаго. Съ момента возникновенія языка доля соціальнаго элемента въ образованіи каждой отдѣльной личности такъ велика, что дѣлается очень труднымъ разграничить области психологіи и соціологіи въ дѣлѣ умственнаго развитія каждаго изъ членовъ общества.

Какъ говорилось выше, общества начинаются лишь надъ уровнемъ соединеній второй степени, т.-е. не съ момента группировки отдѣльныхъ клѣтокъ, а съ момента группировки многоклѣтныхъ организмовъ. Но выше этого уровня можно наблюдать, въ зависимости отъ степени

усложненія, цѣлую серію обществъ, включающихся одно въ другое. Такъ семьи входятъ въ составъ рода или клана, роды въ составъ городской общины или другого территоріальнаго союза, территоріальные союзы въ составъ націи, націи въ составъ государствъ.

Но не всякая группировка индивидовъ является обществомъ. Объединеніе общимъ мѣстомъ жительства, напримѣръ, сожительство въ одномъ домѣ, не создаетъ еще общества. Не признаетъ обществомъ Эспинасъ и такихъ группировокъ, которыя только частично захватываютъ человѣка, каковы, напримѣръ, различные финансовые союзы, даже кооперативныя организаціи и т. д. Человѣкъ только частью своихъ силъ и помысловъ входитъ въ составъ такихъ организацій, и только части своихъ потребностей находитъ въ нихъ удовлетвореніе. Всѣ такія соединенія Эспинасъ называетъ ассоціаціями и противопоставляетъ имъ такія общества, которыя обладаютъ свойствами истинныхъ соціальныхъ существъ.

«Единственными обществами, могущими считаться живымъ существомъ,—говоритъ онъ,—являются тѣ, члены которыхъ объединились для *всѣхъ жизненныхъ цѣлей*, въ томъ числѣ воспроизведенія и питанія... Группа, гдѣ не было бы семей, не была бы и обществомъ. Она являлась бы только ассоціаціей». «Съ другой стороны, хотя общества животныхъ и низшихъ человѣческихъ расъ и обладаютъ всѣми элементами, изъ которыхъ слагается реальное общество, но у нихъ нѣтъ еще той степени организаціи, безъ которой невозможно отчетливое сознаніе. Собственно говоря, эта организація невозможна до возникновенія языка, достаточно выработаннаго. У стада слоновъ, напримѣръ, можетъ существовать только расплывчатое, находящееся еще въ скрытомъ состояніи соціальное сознаніе. Но и самому человѣчеству въ теченіе долгихъ вѣковъ приходилось создавать органы національной личности. Древніе видѣли въ народѣ только кучу индивидовъ. Говорили: фригійцы, ахеяне. Греція, Эллада было

только родовымъ, отвлеченнымъ терминомъ. Только въ городскихъ общинахъ Греціи выработались, наконецъ, признаки соціальнаго существа. Они достигли затѣмъ своего завершенія и утвержденія въ націяхъ, сложившихся къ концу среднихъ вѣковъ. XIX вѣкъ, наконецъ, создалъ или возродилъ Грецію, Бельгію, Италію, Венгрію, Германію, Румынію, Сербію, Болгарію, республики Америки и Южной Африки».

Но націю характеризуетъ и дѣлаетъ ее истиннымъ обществомъ не только высокая степень сознательной организаціи. Важнымъ факторомъ объединенія представляется также огромное количество безсознательныхъ соціальныхъ явленій. Значительная часть политическихъ отношеній еще можетъ, такъ или иначе, правда съ большими натяжками, быть сведена къ сознательнымъ обязательствамъ, къ договору. Можно еще распространить это толкованіе и на извѣстную долю экономическихъ сдѣлокъ, поскольку онѣ касаются обязательствъ отдѣльныхъ личностей. Но совершенно невозможно уже свести къ добровольному договору тѣ сдѣлки, которыя совершаются подъ давленіемъ необходимости, подъ вліяніемъ необычайно разнообразныхъ условій внутренняго и внѣшняго рынковъ. Еще меньше мѣста остается для добровольнаго соглашенія въ области домашнихъ обычаевъ, костюма, культа пѣсенъ и всякаго рода символовъ, оказывающихъ свое вліяніе рѣшительно на всѣхъ. Эти безсознательныя соціальныя явленія образуютъ постоянный фонъ, на которомъ вырисовываются все новые и новые узоры. Возникаютъ и затѣмъ смѣняются другими различныя проявленія общественнаго мнѣнія, разгорается страстная ненависть или симпатія, пересказываются взрывы энтузіазма или унынія. Однимъ словомъ, проявляется во всей своей неудержимой силѣ то, что зовутъ *соціальной душой*. И всѣ эти проявленія соціальной души доказываютъ реальность, глубокіе біологическіе корни исторически сложившагося общества—націи.

Живые индивиды питаются и воспроизводятся, рождаются, ростутъ и умираютъ; въ этомъ все ихъ предназначеніе, какъ бластодемъ. Но даже для того, чтобы поддержать собственную жизнь, чтобы обезпечить замѣщеніе себя себѣ подобными, они непремѣнно должны совершать совмѣстныя дѣйствія. Сѣть этихъ совмѣстныхъ дѣйствій настолько разростается и пріобрѣтаетъ для блага индивидовъ въ ихъ цѣломъ такую важность, что, наконецъ, и въ ихъ сознаніи именно эти общія дѣйствія, а не частная ихъ дѣятельность, становятся конечной цѣлью отдѣльныхъ личностей. «Представленія и рѣшенія, чувства и желанія, направленныя къ общему благу, заставляютъ сходиться въ одномъ и томъ же пунктѣ всѣ частныя сознанія. Такимъ образомъ, возникаетъ новый центръ, къ которому все приводитъ и отъ котораго исходитъ все, что касается безопасности, снабженія необходимымъ, освѣдомленности, труда, радостей и горя этихъ переплевшихся индивидуальныхъ жизней. Этимъ центромъ является коллективное сознаніе. У каждаго общества есть свой такой центръ. Эти коллективныя сознанія (ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ создаваемыми или болѣе или менѣе спеціальными органами) являются для насъ настоящей реальностью. Они являются самыми великими въ мірѣ собирателями и самыми энергичными распредѣлителями упорядоченныхъ силъ». Они не перестаютъ быть реальностями оттого, что ихъ нельзя нащупать рукой, какъ иронизируютъ противники этого взгляда. Эти коллективныя сознанія состоятъ «въ солидарности впечатлѣній и желаній, въ согласіи чувствъ и стремленій, въ сплетеніи вѣрованій и хотѣній, охватывающихъ полузабытое прошедшее, и прозрѣвающихъ неизвѣстное будущее. Только символы даютъ возможность постичь этотъ образъ. Но эти символы волнуютъ души гражданъ вездѣ, какое бы имя ни носило ихъ отечество... Символъ ничто безъ той идеи, которую возбуждаетъ онъ. Но нѣсколько лоскутковъ разноцвѣтной матеріи бываетъ доста-

точно, чтобы возбудить эту идею, и тогда то существо, которое я имѣю въ виду, здѣсь налицо; въ идеѣ о немъ, въ нашемъ сознанiи, которое говоритъ намъ о немъ».

Въ понятiи этой соцiальной души нѣтъ ничего метафизичеткаго. Она вѣдь представляется не въ видѣ какой-то отдѣльной субстанцiи, но просто какъ результатъ взаимодѣйствiя всѣхъ тѣхъ психическихъ проявленiй, какiя существовали и существуютъ въ обществѣ. Но этотъ результатъ можетъ съ полнымъ правомъ разсматриваться, какъ нѣчто самостоятельное и реальное, такъ какъ, благодаря взаимодѣйствiю и слiянiю, возникаетъ нѣчто новое, чего не было въ каждомъ отдѣльномъ психическомъ проявленiи. И это новое, это общее цѣлое оказываетъ могущественное воздѣйствiе на каждую частную психическую дѣятельность.

Въ индивидуальномъ сознанiи мы замѣчаемъ перiоды роста и упадка (послѣднiй можетъ быть нормальнымъ, какъ во время сна, или патологическимъ, какъ въ случаяхъ безумiя или старческаго слабоумiя). Замѣчаемъ также то ослабленiе, то напряженiе дѣятельности сознанiя. Знаемъ тоже, что одни индивидуальныя сознанiя могутъ приходить въ сообщенiе съ другими, поглощаясь ими, или поглощая ихъ, сливая ихъ съ собою. Любовь является болѣе или менѣе продолжительнымъ слiянiемъ двухъ сознанiй, болѣе тѣснымъ, чѣмъ слiянiе въ одно существо двухъ сросшихся близнецовъ. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому и въ измѣнчивости соцiальнаго сознанiя. И оно можетъ, и въ этомъ нѣтъ ничего противорѣчиваго, уменьшаться и расти, ослабѣвать и достигать напряженiя, рождаться и разрушаться, смотря по организацiямъ, какими оно располагаетъ. Вся эта измѣнчивость подчинена опредѣленнымъ условiямъ строенiя общества, совершаясь по тѣмъ или инымъ типамъ и законамъ.

Но это положенiе вызываетъ, говоритъ Эспинасъ, большой шумъ въ рядахъ нашихъ противниковъ. «Типы и

законъ!» воскликнутъ они. «Но ничего подобнаго нѣтъ въ обществѣ!» Какъ отвѣтимъ мы, удивленные въ свою очередь: «вы зоветесь работниками науки, соціологіи, имя которой вы выставляете на обложкахъ своихъ трудовъ, и эта наука мыслима, по вашему мнѣнію, безъ всякой морфологической связи, безъ всякой послѣдовательности явленій?»

Объективныя наблюденія надъ реальнымъ обществомъ совершенно подтверждаютъ, думаетъ Эспинасъ, существованіе типовъ и законовъ. Въ исторіи народовъ мы замѣчаемъ, напримѣръ, смѣну опредѣленныхъ типовъ семейныхъ и политическихъ организацій. Мы можемъ указать также извѣстное число рѣзко очерченныхъ соціальныхъ типовъ въ мірѣ зоологическомъ. Государство — семья пчелъ и муравьевъ — не похоже ни на аморфныя стаи птицъ, ни на организованныя стада высшихъ млекопитающихъ.

Что касается соціальныхъ законовъ, то ихъ существованіе достаточно устанавливается даже небольшою возможностью предвидѣнія соціальныхъ фактовъ. Въ сферѣ промышленности и торговли можно, съ извѣстной вѣроятностью, предвидѣть тѣ или другіе факты въ области, напримѣръ, спроса. Джевонсъ нашелъ возможнымъ установить законы періодичности промышленныхъ кризисовъ, а К. Марксъ — высказаться о причинахъ, неизбѣжно приводящихъ къ кризисамъ соціальнымъ. Періодичность не въ смыслѣ круговорота однихъ и тѣхъ же явленій, а въ смыслѣ закономѣрной смѣны одной группы явленій другими — замѣчается и въ другихъ областяхъ соціальной жизни. И въ этой періодичности явленій, характерномъ, существенномъ признакѣ всякой соціальной дѣятельности,— Эспинасъ не видитъ никакого противорѣчія съ защищаемой имъ гипотезой существованія коллективныхъ сознаній.

Теоріи органистовъ, особенно зоологовъ-органистовъ, какъ извѣстно, слишкомъ часто служили имъ quasi научнымъ оружіемъ для защиты полнаго подавленія въ обществѣ однихъ его членовъ и всяческихъ привилегій для

другихъ. Вполнѣ умѣстными представляются поэтому заключительныя слова статьи Эспинаса, содержащія оговорку относительно практическихъ выводовъ изъ защищаемой имъ теоріи общества, какъ реальнаго цѣлаго. «Никогда не думали мы,—говоритъ онъ,—чтобы наши соціологическія воззрѣнія могли освятить что-либо, похожее на диктатуру, или оказаться пригодными для оправданія привилегій. По мѣрѣ того, какъ подыматься по лѣстницѣ обществъ, можно замѣтить, что природа полагаетъ въ основу группировки какихъ бы то ни было живыхъ существъ въ единое коллективное цѣлое не борьбу, а взаимное содѣйствіе въ достиженіи общихъ цѣлей жизни. Тѣмъ болѣе относится это къ группировкѣ сознательныхъ существъ. Здѣсь условіемъ единства и силы цѣлаго является свобода элементовъ».

Тардъ принялъ вызовъ Эспинаса [1]) и отвѣтилъ ему статьею «Соціальная реальность» [2]), изъ которой видно, что Тардъ не является такимъ рѣшительнымъ противникомъ всѣхъ взглядовъ Эспинаса, какъ могло бы показаться изъ словъ послѣдняго.

Совпадаетъ ли, спрашиваетъ Тардъ, по нашему мнѣнію, соціологія съ соціальной психологіей? А если не совпадаетъ, то въ чемъ же сущность соціальной реальности?

Если допускать, что соціальная связь есть уже тамъ, гдѣ еще нѣтъ психической жизни, напримѣръ, въ колоніяхъ низшихъ животныхъ, хотя бы въ полипнякѣ, то, конечно, соціологія представляетъ нѣчто ясно отличающееся отъ коллективной психологіи. Но нужно ли допускать, говоритъ Тардъ, это злоупотребленіе словомъ «общество», чтобы имѣть право отстаивать различіе соціологіи и соціальной психологіи? Нисколько. Коллективная психологія изучаетъ лишь субъективную сторону соціальныхъ

---

1) См. выше, стр. 139.
2) *G. Tarde*, La réalité sociale.

фактовъ: она оставляетъ въ сторонѣ матеріальныя явленія, сопровождающія или обусловливающія эту субъективную сторону. Соціологія при помощи коллективной психологіи, но не слагаясь изъ нея одной, изучаетъ группировку человѣческихъ организмовъ, а не только ихъ психикъ. И она изучаетъ также самую группировку этихъ психикъ, а не только психическія взаимодѣйствія, производящія эту группировку. Соціальная психологія изучаетъ только *духовныя взаимоотношенія* ассоціировавшихся индивидовъ. Но остается изучить еще ихъ *матеріальныя взаимоотношенія и ихъ общія отношенія къ почвѣ* и внѣшнимъ силамъ.

«Такимъ образомъ, общества не представляютъ собою просто скопленій однихъ психическихъ взаимодѣйствій. Они являются одновременно скопленіями и психическихъ, и тѣлесныхъ взаимодѣйствій, усложненныхъ чисто физическими дѣйствіями, общею борьбою съ силами природы съ цѣлью оборониться отъ нихъ или утилизировать ихъ. Слѣдовательно, соціологія, имѣющая своимъ предметомъ всю совокупность этихъ явленій, существенно отличается отъ соціальной психологіи, ограничивающейся изученіемъ только части всего этого. Но если бы соціологія даже удовольствовалась изученіемъ однихъ психическихъ взаимоотношеній, и тогда предметъ ея изслѣдованія былъ бы не тотъ, что у соціальной психологіи. Послѣдняя изучаетъ аналитически то, что соціологія изучаетъ синтетически. Прибавимъ еще, что дѣло идетъ не объ одномъ *скопленіи*, не о *суммѣ*, но о *систематической координаціи* психическихъ взаимодѣйствій, согласно съ *законами логики*... Одно затѣмъ изучать явленія въ массѣ и другое въ отдѣльности. Методы изслѣдованія настолько различны, что одного этого было бы достаточно для различенія *соціологіи* и *соціальной психологіи*».

Соціологія родилась изъ сознанія того, что *общество, взятое въ цѣломъ*, является чѣмъ-то реальнымъ, настолько же реальнымъ, насколько реальна матерія для химика или

жизнь для біолога. Но это глубокое сознаніе соціальной реальности, къ несчастію, замѣчаетъ Тардъ, внушило идею *общества — организма.* Стали думать, что единственное средство представить общество въ видѣ реальнаго существа, реальность котораго можетъ разсматриваться отдѣльно отъ слагающихъ его индивидовъ, заключается въ томъ, чтобы сдѣлать изъ него сложный организмъ.

Но это не больше, какъ метафора. Но отказываясь отъ этой метафоры, неужто вмѣстѣ съ тѣмъ мы отказываемся и отъ признанія реальности общества? О, нѣтъ. Общество всегда останется реальнымъ и при томъ реальнымъ совершенно въ другомъ смыслѣ, чѣмъ реальны, напримѣръ, Нилъ или Гангъ. Нилъ или Гангъ представляютъ просто массу непрестанно возобновляющейся воды, заключенной между двумя берегами. Правда, и они обладаютъ постоянствомъ формы, могущимъ быть противопоставленнымъ измѣнчивости воды, и это смутно напоминаетъ одинъ изъ признаковъ живыхъ существъ: постоянство формы при измѣнчивости матеріи. Но между безчисленными молекулами, изъ которыхъ слагается Нилъ и Гангъ, нѣтъ другой связи кромѣ той, которая всѣхъ ихъ вмѣстѣ заставляетъ повиноваться одной внѣшней силѣ, притяженію земли, тяжести. Отсюда общее паденіе ихъ къ морю. Но не существуетъ общаго взаимодѣйствія между частицами, за исключеніемъ передачи температуры, волнообразныхъ движеній и т. п. Совершенно другое видимъ мы въ родѣ, въ общинѣ. Здѣсь имѣетъ мѣсто не только смѣна индивидовъ и постоянство учрежденій, не только общее повиновеніе внѣшнимъ физическимъ законамъ, но здѣсь происходитъ также самый тѣсный обмѣнъ между всѣми молекулами, между всѣми отдѣльными «я», входящими въ составъ общества. И въ каждомъ изъ нихъ живетъ идея соціальнаго цѣлаго, болѣе или менѣе точное, болѣе или менѣе полное отраженіе этого цѣлаго.

Уже гораздо болѣе реальной, чѣмъ водный потокъ, представляется машина. Части машины согласованы и ихъ

дѣйствія направлены къ одной цѣли. Солнечная система, съ ея подвижнымъ равновѣсіемъ и постояннымъ *взаимодѣйствіемъ* ея частей, является совершенно реальнымъ *цѣлымъ*. Вообще, замѣчаетъ Тардъ, «нужно бы говорить о *цѣлости*, а не о *реальности*... Вопросъ въ томъ, представляетъ ли соціальная группа *цѣльность истинную*, объективную, а *не субъективную* только? Какіе же могутъ быть виды *цѣлаго*? Таковы, цѣлое ариѳметическое, цѣлое химическое, цѣлое астрономическое, цѣлое механическое, цѣлое рѣчное, цѣлое соціальное, цѣлое органическое». Отношеніе частей къ каждому изъ этихъ цѣлыхъ различно. Въ ариѳметическомъ цѣломъ (суммѣ) отношеніе совершенно внѣшнее, но и здѣсь цѣлое рѣшительно отличается отъ своихъ частей. Оно выражаетъ объединеніе частей въ умственномъ процессѣ того, кто думаетъ о нихъ. Ариѳметическое цѣлое является только образомъ, только отраженіемъ умственнаго единства. Само по себѣ, внѣ ума, мыслящаго о немъ, ариѳметическое цѣлое не существуетъ. Но химическое цѣлое существуетъ объективно, все равно, думаетъ ли или не думаетъ о немъ человѣкъ, совершенно также и астрономическое цѣлое, и механическое цѣлое, и еще больше, и органическое цѣлое. Совершенно то же нужно сказать и о соціальномъ цѣломъ. Не въ представленіи только мыслящаго о немъ человѣка, а дѣйствительно, объективно существуетъ оно. Оно реально существуетъ, какъ цѣлое, со всѣми своими психическими и матеріальными проявленіями, и эти проявленія цѣлаго совершенно ясно противопоставляются мыслямъ, чувствамъ, дѣйствіямъ каждаго отдѣльнаго «я», изъ которыхъ слагается цѣлое.

Нѣкоторымъ кажется, — говоритъ Тардъ, — что мы не отдаемъ должнаго природѣ общества, называя его только реальнымъ цѣлымъ, что нужно непремѣнно признать его организмомъ. Но развѣ организмъ выше соціальнаго цѣлаго въ томъ отношеніи, какъ указано выше? То, что заставляетъ видѣть въ организмѣ болѣе полное, болѣе

реальное объединеніе въ одно существо всѣхъ составляющихъ его элементовъ, это его правильная, опредѣленная, изъ одного куска массы состоящая форма. Но если всмотрѣться поближе, то связь между элементами организма менѣе реальна, менѣе глубока, менѣе упруга и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе прочна, чѣмъ связь, созданная соціальной жизнью между единицами, слагающими общество.

Въ самомъ дѣлѣ, составные элементы организма подчинены извѣстнымъ отношеніямъ разстоянія. Они не могутъ перейти ихъ, иначе связь тотчасъ же разорвется, разрушится ихъ жизненная солидарность. Элементы же солидарной группы могутъ физически удаляться на очень далекія разстоянія, и соціальная связь все-таки не перестаетъ существовать. Правда, есть границы разстоянія для возможности *maxітит*'а психическаго взаимодѣйствія, но результаты этого послѣдняго взаимодѣйствія сохраняются и послѣ того, какъ перейдены эти границы. Французъ остается французомъ и среди антиподовъ Франціи. Какъ бы далеко не жили члены одной семьи, они остаются родственниками. Іезуиты разсѣяны по всему земному шару, а между тѣмъ они образуютъ единое и очень тѣсное общество. Этой *упругостью* и этой необычайной *прочностью* соціальная связь замѣтно отличается отъ біологической.

Пока во всемъ сказанномъ нѣтъ существенныхъ различій между взглядами Тарда и Эспинаса. Но эти различія выступаютъ довольно опредѣленно по вопросу о развитіи общества.

«Говорятъ, — пишетъ Тардъ, — что соціологія только тогда стала бы наукой, еслибы общества были подчинены формуламъ развитія. Но развѣ реальность аггрегата, степень его объединенности пропорціональны правильности его общаго развитія, неизмѣнной повторяемости явленій? Если бы это было такъ, то, конечно, пришлось бы сказать, что,—такъ какъ организмъ представляетъ очень правильную серію эмбріональныхъ фазъ и послѣдователь-

ныхъ фазъ развитія, періодически повторяющихся въ рядѣ поколѣній,—то и общество представилось бы *болѣе реальнымъ*, если бы подъ преходящей формой измѣненій и историческихъ перипетій можно было бы открыть правильную серію фазъ развитія... Но это *совершенно не такъ*. Это одна изъ иллюзій, которой злоупотребляютъ органисты (и, вслѣдъ за О. Контомъ, и позитивисты). Вѣрно противоположное. Существо тѣмъ болѣе индивидуально, тѣмъ болѣе реально, чѣмъ болѣе способно оно къ многоразличнымъ рѣшеніямъ, которыя невозможно предвидѣть и формулировать заранѣе». Полкъ представляетъ болѣе реальный аггрегатъ, чѣмъ стадо барановъ; и передвиженія барановъ, повторяющіяся изо дня въ день, гораздо легче свести къ опредѣленной формулѣ, чѣмъ передвиженія арміи, ея сложныя дѣйствія, каждый день являющіяся новыми. Но, наоборотъ, въ *деталяхъ* повседневной жизни замѣчается гораздо болѣе правильности и опредѣленной повторяемости въ дѣйствіяхъ арміи, а не въ дѣйствіяхъ стада. Съ необычайной правильностью повторяются шаги, жесты, движенія, и нѣтъ ничего болѣе неправильнаго и измѣнчиваго, какъ движенія всей арміи въ цѣломъ. Наоборотъ, нѣтъ никакой опредѣленности въ частностяхъ движенія стада, и ни что не повторяется правильнѣе движенія всей массы. Такимъ образомъ, проявленія *соціальныхъ законовъ* слѣдуетъ искать въ подробностяхъ быта. Степень реальности соціальной группы измѣряется степенью сходства и точной повторяемости мелкихъ дѣйствій, совершаемыхъ почти автоматически.

По мѣрѣ того, какъ общество подымается по ступенямъ культуры, оно и дѣлается болѣе реальнымъ, гораздо болѣе цѣлостнымъ. Ибо, съ одной стороны, усваиваніе примѣровъ всѣхъ подробностей соціальной обстановки (вліянія лингвистическія, религіозныя, экономическія и т. п.) совершается все болѣе правильно и полно, подчиняясь точно формулированнымъ законамъ. А, съ другой, движенія цѣлаго, общія измѣненія, военныя дѣйствія,

измѣненія вкуса и т. д. все больше и больше ускользаютъ отъ всякаго предвидѣнія, и не потому, чтобы они не согласовались съ логически послѣдовательнымъ планомъ, но потому, что они не повторяются съ правильной періодичностью. Они тѣмъ менѣе періодичны, чѣмъ болѣе логичны, т.-е. чѣмъ болѣе сознательны.

«Нѣкоторые думаютъ,—говоритъ Тардъ,—что они отводятъ обществу болѣе высокое мѣсто въ ряду реальныхъ существъ тѣмъ самымъ, что уподобляютъ его организму и устанавливаютъ въ его развитіи серію строго неизмѣнныхъ фазъ. Но развѣ человѣкъ потому является высшей реальностью, что онъ представляетъ собою животный организмъ, въ жизни котораго, на протяженіи безчисленнаго ряда поколѣній, съ неизбѣжной правильностью смѣняется серія послѣдовательныхъ періодовъ? Не обусловливается ли его высшее мѣсто скорѣе тѣмъ, что онъ представляетъ собою умъ, духовное существо, отправленіе котораго, правда, состоитъ въ безчисленномъ повтореніи клѣточной дѣятельности, но которое характеризуется безконечнымъ разнообразіемъ мыслей и рѣшеній, свѣтозарнымъ результатомъ этой темной дѣятельности? Когда этотъ умъ, старѣясь, дѣлается слабымъ, рутиннымъ, при чемъ всѣ его рѣшенія могутъ быть предвидѣны заранѣе, не говоримъ ли мы, что онъ опускается, что изъ духовнаго организма онъ превращается въ машину? Не говоримъ ли мы, наоборотъ, что духъ растетъ, когда онъ каждую минуту удивляетъ насъ—не случайными и нераціональными капризами,—а *неожиданной логикой* своихъ выводовъ, новаторской смѣлостью своихъ начинаній».

Всѣ такъ называемые законы развитія права, религіи, морали, промышленности, устанавливаемые путемъ остроумнаго сближенія и подбора фактовъ, примѣнимы только къ дикимъ или варварскимъ народамъ. А чѣмъ выше подымается общество по ступенямъ цивилизаціи, другими словами, чѣмъ больше оно становится соціальной реальностью, тѣмъ труднѣе, тѣмъ даже невозможнѣе оказы-

вается открыть въ соціальныхъ измѣненіяхъ цѣпь правильныхъ фазъ. Правильность эволюціи общества находится въ обратномъ отношеніи къ степени ихъ реальности. Такъ что большая ошибка говорить, что нечего и думать о возможности соціальной науки, если не существуетъ напередъ опредѣленнаго хода соціальнаго развитія.

Мнѣніе Тарда можетъ быть, слѣдовательно, сведено къ тому, что чѣмъ культурнѣе общество, тѣмъ въ большей степени проявляется *активная* сторона его жизни. Другими словами, въ стихійные процессы жизни все больше вмѣшивается творческое, сознательно-разумное начало. Это творческое начало перерабатываетъ жизнь во имя сознательно поставленной цѣли по логически выработанному плану, не смущаясь фаталистическими соображеніями, что жизнь непремѣнно должна пойти такъ, а не иначе. Но въ то же время Тардъ нисколько не отрицаетъ, что въ жизни есть и *пассивная* сторона, совершающаяся безъ прямого вліянія сознанія, и эта-то пассивная сторона, проявляющаяся во всѣхъ мелочахъ повседневной жизни, *предопредѣляется* совокупностью всѣхъ стихійныхъ воздѣйствій. Даже въ сферѣ сознанія есть эта стихійная сторона. А у значительнаго числа людей пассивна чуть-что не вся сфера ихъ сознанія, такъ какъ она слагается у нихъ изъ вѣрованій, мнѣній, чувствъ и стремленій, или традиціонныхъ, или воспринятыхъ изъ подражанія. И эти пассивныя состоянія сознанія предрѣшаются, подлежатъ предвидѣнію, какъ и всякій другой объективный фактъ. «Вы говорите,—предвидитъ возраженія Тардъ,—что, принимая во вниманіе свободу воли человѣка, невозможно предсказать, къ какому рѣшенію придетъ онъ при данномъ положеніи. Пусть такъ. Но вы допускаете, что если предъ человѣкомъ будетъ происходить данное зрѣлище, и онъ посмотритъ на него зрячими глазами, то онъ увидитъ его въ томъ видѣ, какъ оно развертывается предъ нимъ, подъ тѣмъ, а не инымъ угломъ

зрѣнія. Этого требуютъ законы физіологической оптики. Совершенно также невозможно, чтобы, при существованіи соціальныхъ сношеній съ себѣ подобными, человѣкъ не вѣрилъ въ то, во что вѣруютъ они, не желалъ бы того, чего они желаютъ. Я имѣю здѣсь въ виду роль подражательнаго повторенія, заразительную передачу вѣрованій и вожделѣній, которыя,—какъ всѣ въ этомъ согласны или должны быть согласны,—конечно, не свободны».

Тѣ мыслители, иногда очень выдающіеся и глубокіе, которые такъ много говорили о свободѣ воли въ духѣ Канта и Ренувье, были слишкомъ хорошаго мнѣнія,—думаетъ Тардъ,—относительно оригинальности массы. То, что они говорятъ о свободномъ опредѣленіи воли, о томъ могуществѣ, съ какимъ она отдѣлывается отъ ходячихъ мнѣній, отъ вліянія примѣра, вѣрно постольку, поскольку это примѣняется къ избранной группѣ крупныхъ мыслителей, и совершенно невѣрно въ примѣненіи къ толпѣ. Но даже еслибы все общество состояло изъ оригинально мыслящихъ людей, изъ иниціаторовъ, развѣ и тогда не имѣли бы мѣста законы подражанія? Больше одаренные люди характеризуются лишь тѣмъ, что они дѣлаютъ выборъ изъ большаго количества примѣровъ, комбинируя ихъ. Но дѣлаютъ ли они этотъ выборъ «свободно»? Это сомнительно. Но что они выбираютъ различно, *индивидуально*,—это вѣрно.

Какъ мы видѣли выше, Тардъ признаетъ въ обществѣ не одну только духовную, но также и матеріальную сторону. Но чѣмъ выше общество, тѣмъ,—думаетъ онъ,—духовная сторона пріобрѣтаетъ все большее значеніе, духовныя взаимоотношенія начинаютъ играть все большую и большую роль за счетъ взаимоотношеній тѣлесныхъ. «Вначалѣ тѣлесныя взаимоотношенія между людьми были очень велики, духовныя—ничтожны. Люди пользовались одни другими, какъ вьючными животными, какъ средствами воспроизведенія, передвиженія, питанія. Но они мало говорили, мало мѣнялись идеями и желаніями,

мало заключали договоровъ. На высшихъ же ступеняхъ культуры мы видимъ обратное. Люди мало оказываютъ другъ другу физическихъ услугъ, не ѣдятъ одинъ другого, не носятъ на себѣ. Но они много разговариваютъ, много пишутъ, еще болѣе читаютъ, объединяются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ».

Психическій элементъ, играющій огромную роль въ жизни существующихъ обществъ, имѣетъ громадное значеніе и для зарожденія общества. Посмотримъ, напримѣръ, какъ зарождается толпа, это аморфное общество.

«Люди идутъ по улицѣ, останавливаются на площади. Они соприкасаются по мѣсту одинъ съ другимъ, но они взаимно чужды въ духовномъ отношеніи: между ними нѣтъ никакой ассоціаціи. Но пусть одинъ изъ нихъ крикнетъ: «на пожаръ!» «убиваютъ!» и всѣ сердца начинаютъ биться въ униссонъ. Камиллъ Демуленъ въ Пале-Роялѣ подымается на стулъ. Онъ даетъ общую цѣль этому собранію: взять Бастилію. И все это скопленіе дѣлается громаднымъ и чудовищнымъ существомъ, одушевленнымъ общей идеей, передаваемой отъ человѣка къ человѣку и отъ каждаго изъ этихъ людей другимъ. Такимъ образомъ и создается эта первая ступень человѣческой ассоціаціи— толпа, аморфное общество. Толпа всегда является результатомъ взаимной симпатіи, выражающейся въ сходныхъ дѣйствіяхъ, у всѣхъ одни и тѣ же крики, одинъ и тотъ же припѣвъ, повторяемый тысячами голосовъ, одни и тѣ же жесты ярости, тѣ же возгласы и т. п. По мѣрѣ роста и укрѣпленія симпатическихъ связей, перехода ихъ изъ состоянія случайнаго, эфемернаго въ прочное, продолжительное, толпа становится организованной, корпораціей и т. д.

Въ зависимости отъ характера психическихъ взаимодѣйствій, тѣхъ техническихъ средствъ, которыми они располагаютъ для своего проявленія, стоитъ между прочимъ и максимальный предѣлъ истинной соціальной группы. Въ каждую эпоху и въ каждой странѣ она не можетъ

перейти его, какъ относительно числа своихъ членовъ, своего распространенія, такъ и продолжительности и прочности связи. Когда это взаимодѣйствіе осуществляется при помощи обезьяньей мимики, ограниченной гаммы криковъ, предѣломъ группы является семья. Стада обезьянъ, слагающіяся изъ многихъ семей, являются скорѣе не обществами, а непрочными и временными ассоціаціями. То же относится и къ стадамъ болѣе низшихъ млекопитающихъ, представляющихъ, по существу, большія семьи. Общества насѣкомыхъ тоже слагаются изъ родственниковъ.

Передача внутреннихъ состояній, при томъ довольно смутныхъ, при помощи однихъ жестовъ и криковъ, является слишкомъ слабой и потому недостаточной, и для пополненія ея необходима еще связь крови, наслѣдственная передача психическихъ предрасположеній. Но когда появилось слово, то, благодаря обмѣну воспоминаній и опыта, наблюденій и совѣтовъ, дѣлается вполнѣ возможной прочная и длительная соціальная группировка. И тогда группа можетъ уже перейти предѣлы семьи, разростись въ родъ или кланъ. Но одно устное слово является еще невполнѣ достаточнымъ средствомъ психическаго воздѣйствія. На разстояніи, передаваемое черезъ посредниковъ, оно теряетъ характеръ несомнѣнной подлинности, а безъ вѣры въ эту подлинность не можетъ быть полнаго повиновенія приказанію. Въ связи съ этимъ въ *дописьменный* періодъ большія общества не извѣстны. Всѣ великія имперіи, о которыхъ знаетъ исторія, возникли послѣ появленія письменности. Имперія ацтековъ и инковъ не представляетъ исключенія изъ этого правила. И тамъ тоже была своя система таинственныхъ, монополизованныхъ одною кастою знаковъ.

У народовъ, незнающихъ письменности, возможны еще большія деревни, какъ, напримѣръ, у негровъ центральной Африки. Но большіе города, съ населеніемъ въ 20, даже 10 тысячъ жителей, съ ихъ скученностью населенія, съ неизбѣжностью многоразличныхъ конфликтовъ между

жителями, невозможны тамъ, гдѣ съ письменностью незнакома хотя бы избранная правительственная группа.

Подобно тому, какъ лишь съ появленіемъ письменности стало мыслимымъ развитіе городской жизни, такъ же точно лишь послѣ письменности стало возможнымъ сліяніе городовъ въ королевства и имперіи.

Если письменность помогла фиксировать слово на неопредѣленно долгое время, то печать, говоритъ Тардъ, стала размноженіемъ письменности, т.-е. фиксированнаго слова. Почта снабдила письменность и печать крыльями, а телеграфъ увеличилъ до безконечности быстроту этихъ крыльевъ. При каждомъ изъ этихъ изобрѣтеній, а также изобрѣтеній вспомогательныхъ (напримѣръ, относящихся къ способамъ передвиженія), максимальный предѣлъ возможной соціальной группы все болѣе и болѣе возрастаетъ, и теперь нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы со временемъ всѣ отдѣльныя части человѣчества слились въ единое общество, какъ о томъ мечталъ Огюстъ Контъ.

Если отъ степени совершенства средствъ передачи психическихъ взаимодѣйствій зависятъ размѣры соціальной группы, то не менѣе зависитъ отъ нихъ и долговѣчность группы. Въ періодъ, *предшествующій письменности*, при всей кажущейся неподвижности обществъ, въ нихъ непрестанно происходятъ глубочайшія измѣненія въ языкѣ, нравахъ, правѣ. Лингвисты теперь убѣждены въ крайнемъ разнообразіи нарѣчій дикихъ и варварскихъ народовъ. Въ сферѣ религіи, думаетъ Тардъ, можно установить такое дѣленіе: религіи *до книги* и религіи *послѣ книги*. Всѣ великія религіи основаны на книгѣ. И въ области искусства Тардъ также различаетъ: зачаточное искусство *долитературнаго* періода и искусство *литературной эпохи*.

Отъ характера психическихъ взаимодѣйствій зависитъ также *строеніе* и *внутренняя жизнь* обществъ, то соціальное единство, которое позволяетъ говорить о соціальной душѣ не метафорически только, а какъ о чемъ-

то совершенно реальномъ. По мѣрѣ усовершенствованія способовъ психическаго взаимодѣйствія соціальное единство должно становиться болѣе полнымъ. Тардъ указываетъ на то, что въ умственной сферѣ, благодаря успѣхамъ науки, уже достигается все большее единство взглядовъ. Но и въ другихъ сферахъ должно наступить, конечно, также все большее объединеніе, особенно если откроется возможность переработки жизни во имя опредѣленныхъ общественныхъ идеаловъ. Это объединеніе не означаетъ нивелировки. Оригинальность индивида, его инициаторскія способности не вредятъ дѣлу, а полезны ему. И Тардъ видитъ тенденцію цивилизаціи въ осуществленіи наиболѣе полнаго объединенія людей при самой полной индивидуализаціи ихъ.

Сопоставляя взгляды Эспинаса и Тарда, мы замѣчаемъ значительное совпаденіе между ними по коренному вопросу о сущности общества. Констатировать это совпаденіе тѣмъ болѣе отрадно, что, судя по прежнимъ работамъ Тарда, онъ раньше не признавалъ общества реальнымъ существомъ, представляющимъ нѣчто отличное отъ отдѣльныхъ слагающихъ его индивидовъ. Теперь же онъ говоритъ объ обществѣ, какъ самостоятельномъ цѣломъ, настолько опредѣленно, что долженъ считаться не противникомъ, а приверженцемъ теоріи общества, какъ реальнаго цѣлаго. Вполнѣ опредѣленно и въ полномъ согласіи съ Эспинасомъ Тардъ говоритъ теперь и о совершенной реальности соціальной души, какъ самостоятельнаго цѣлаго, тогда какъ раньше онъ, повидимому, не признавалъ существованія коллективнаго сознанія помимо индивидуальныхъ сознаній.

Конечно, есть различія между обоими писателями. Есть они и въ общемъ тонѣ, а еще больше въ выдвиганіи тѣхъ или иныхъ сторонъ вопроса. Эспинасъ удѣляетъ главное вниманіе обществу, какъ цѣлому, Тардъ—психическимъ воздѣйствіямъ, воспринимаемымъ индивидуально, но исходящимъ отъ цѣлаго и потому превращающимъ индивида въ

часть цѣлаго. И если не въ данной статьѣ, то въ другихъ своихъ работахъ, онъ слишкомъ подчеркиваетъ участіе въ разсматриваемомъ вопросѣ индивидуальной психологіи, сводя даже соціальную психологію къ индивидуальной. А это довольно зыбкая почва, постоянно грозящая засосать въ трясину индивидуализма. Но въ данной статьѣ Тардъ не попадаетъ въ нее даже тамъ, гдѣ возражаетъ противъ законовъ развитія общества, и гдѣ онъ, повидимому, всего больше разногласитъ съ Эспинасомъ. Мы видѣли уже, что въ концѣ концовъ и онъ не отрицаетъ этихъ законовъ, поскольку дѣло идетъ о пассивной сторонѣ жизни. Онъ только настаиваетъ на томъ, что есть и активная сторона, есть творческое, сознательное начало. И въ этомъ вопросѣ мы всецѣло на сторонѣ Тарда, совершенно раздѣляя его убѣжденіе въ возможности планомѣрнаго вмѣшательства въ ходъ жизни. Только при такомъ вмѣшательствѣ и мыслимъ не фатально-стихійный, а цѣлесообразный прогрессъ, единственно достойный *человѣческаго общества.*
